

ЕКАТЕРИНА ЛЬВОВНА КУДРЯВЦЕВА

УДК 37.01:81'246.2

кандидат педагогических наук (PhD),
научный руководитель международных
сетевых лабораторий «Инновационные технологии
в сфере поликультурного образования»
Елабужского института ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»,
эксперт федерального реестра научно-технической сферы
Российской Федерации, член экспертной сети
Агентства стратегических инициатив
Москва, Россия
e-mail: ekoudrjajtseva@yahoo.de

ЛАРИСА БОРИСОВНА БУБЕКОВА

кандидат филологических наук, доцент,
заведующая международной сетевой лабораторией
«Инновационные технологии в сфере
поликультурного образования» Елабужского института
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Елабуга, Россия
bular@yandex.ru

БИЛИНГВИЗМ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЯДРА В ЭПОХУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Аннотация: Современная эпоха характеризуется высоким уровнем неопределённости, нестабильности и культурной многослойности, что требует переосмысления роли билингвизма как культурного и когнитивного ресурса. В условиях миграции, глобализации и эрозии традиционных границ культуры, билингвы формируют новую модель культурного восприятия, в рамках которой одно означаемое может быть соотнесено с двумя или более равноправными означающими [1], принадлежащими разным лингвокультурным кодам. Выбор же билингвом означающего обуславливается многими экстралингвистическими факторами: ситуацией, контекстом и культурной

ролью субъекта. Означаемое перестает быть просто объектом, оно становится объектом в определенной культуре. Отказ от однозначности и принятие множественности значений (на стыке объективной культурной реальности и ее субъектного восприятия носителем нескольких культур) каждого знака становятся не девиацией (как в неразвивающихся, стагнирующих сообществах, описанных в приложении к роману «1984» — «О новоязе» Дж. Оруэллом [17]), а новой нормой, инструментом принятия различий и устойчивости в условиях нестабильности, ресурсным состоянием для адаптации. При этом культура рассматривается не только как этническая, но и как социальная, профессиональная, гендерная и поколенческая. Дается комментарий о различиях естественного (приобретённого в раннем возрасте) и благоприобретённого (усвоенного в более старшем возрасте) билингвизма в рамках изучения трансформации культурного ядра. Также упоминается о проблеме конфликта идентичностей у естественных билингвов, решение которой находится в укреплении Я-компетенции. В статье предлагается гипотеза структуры культурного ядра билингва как динамически организованного семантического пространства, где культурные значения пересекаются, модулируются и сосуществуют в нелинейной конфигурации. В приложении к практике жизни это, например, ложится в основу концепта «двуликости» как позитивного культурного адаптационного механизма (двуликий Янус), противопоставляя его негативному пониманию «двуличности» в традиционных культурах. Такая система принятия постоянного хаоса и способность извлекать выгоду и укрепляться в условиях неопределенности составляют основу Антихрупкости [15], когда трудности не ломают, а делают сильнее. Особое внимание уделяется смене функций по сохранению культурного ядра, переходящей от институтов образования и государства к старшему поколению, от непререкаемых правил к живым кейсам — и актуальным вызовам, возникающим перед носителями коренных культур в попытке удержать идентичность в условиях стирания внешних и внутренних границ.

Ключевые слова: билингвизм; культурное ядро; двуликость; межкультурная коммуникация; означаемое и означающее; трансформация культуры; культурные границы; миграция; полилингвизм.

Для цитирования: Кудрявцева Е.Л. Билингвизм и трансформация культурного ядра в эпоху неопределенности // *Studia Culturae*. 2025, 3 (65). С. 42–65. DOI: 10.31312/2310-1245-2025-65-42-65.

EKATERINA LVOVNA KUDRYAVTSEVA

PhD in Education, Scientific Supervisor of the International Network Laboratories «Innovative Technologies in the Sphere of Multicultural Education», Yelabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University,
Expert of the Federal Register of the Scientific and Technical Sphere of the Russian Federation,
Member of the Expert Network of the Agency for Strategic Initiatives, Moscow, Russia
e-mail: ekoudrjvtseva@yahoo.de

LARISA BORISOVNA BUBEKOVA

PhD in Philology,
Associate Professor, Head of the International Network Laboratory “Innovative Technologies in the Field of Multicultural Education”, Yelabuga Institute, Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga, Russia
bular@yandex.ru

**BILINGUALISM AND THE TRANSFORMATION OF
THE CULTURAL CORE IN AN AGE OF UNCERTAINTY**

Abstract: The modern era is characterized by a high level of uncertainty, instability, and cultural multi-layeredness, which necessitates a rethinking of the role of bilingualism as a cultural and cognitive resource. In the context of migration, globalization, and the erosion of traditional cultural boundaries, bilinguals form a new model of cultural perception, in which one signified can be correlated with two or more equal signifiers [1], belonging to different linguo-cultural codes. The bilingual's choice of a signifier is determined by many extralinguistic factors: the situation, context, and the cultural role of the individual. The signified ceases to be merely an object; it becomes an object within a specific culture. The rejection of unambiguity and the acceptance of multiple meanings for each sign (at the intersection of objective cultural reality and its subjective perception by an individual carrying several cultures) become not a deviation (as in non-developing, stagnating communities, described in the appendix to the novel “1984” — “The Principles of Newspeak” by G. Orwell [17]), but a new norm, a tool for accepting differences and maintaining resilience in conditions of instability, and a resourceful state for adaptation. Here, culture is considered not

only as ethnic but also as social, professional, gender, and generational. A commentary is provided on the differences between natural (acquired in early childhood) and acquired (learned at a later age) bilingualism within the study of the cultural core's transformation. The problem of identity conflict in natural bilinguals is also mentioned, the solution for which lies in strengthening self-competence. The article proposes a hypothesis regarding the structure of a bilingual's cultural core as a dynamically organized semantic space where cultural meanings intersect, modulate, and coexist in a non-linear configuration. In practical application, this, for example, forms the basis of the concept of "two-facedness" as a positive cultural adaptation mechanism (the two-faced Janus), contrasting it with the negative understanding of "duplicity" in traditional cultures. This system of accepting constant chaos and the ability to benefit and grow stronger in conditions of uncertainty constitutes the basis of Antifragility [15], where difficulties do not break but make one stronger. Particular attention is paid to the shift in functions for preserving the cultural core, transitioning from educational institutions and the state to the older generation, from rigid dogmas to living case studies—and to the current challenges faced by bearers of indigenous cultures in their attempt to maintain identity amid the blurring of external and internal boundaries.

Keywords: bilingualism; cultural core; two-facedness; intercultural communication; signified and signifier; cultural transformation; cultural boundaries; migration; plurilingualism.

For citation: Kudryavtseva E.L. Rethinking Vietnamese cultural identity in the digital age // *Studia Culturae*. 2025, 3 (65). P. 42–65. DOI: 10.31312/2310-1245-2025-65-42-65.

ВВЕДЕНИЕ

Современное культурное пространство переживает радикальные изменения, вызванные глобализацией, миграцией и цифровизацией. В условиях неопределённости и нестабильности особую роль приобретает билингвизм как феномен не только лингвистический, но и культурно-когнитивный. Если ранее билингвизм воспринимался как исключение или переходное состояние между двумя языковыми мирами, сегодня он становится нормой для значительной части

мирового населения, особенно в мультикультурных внутри-страновых (Швейцария, Бельгия, Сингапур и др.) и миграционных обществах.

Однако, как мы уже неоднократно писали [6; 7; 10], билингвизм — это не просто наличие двух языков, а наличие двух (или более) полноценных систем репрезентации мира. Это включает не только возможность выбирать между языками, но и постоянную работу с множественными означающими, отсылающими к одному и тому же означаемому. Такая модель семиотической множественности требует новых аналитических подходов, основанных на понимании языка как подвижной, многослойной и ситуативно адаптирующейся структуры.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

1. Означаемое и означающие в билингвальной модели мира

В лингвистике и семиотике означающее (signifier) и означаемое (signified) — это два аспекта знака, где означающее — это форма знака (например, слово, звук или изображение), а означаемое — это понятие, концепция, то, что мы представляем, когда видим или слышим означающее (рис. 1). Они тесно связаны и взаимодействуют, чтобы создать значение. Классическая семиотика [14] исходит из модели, в которой означаемое (объект) связано с одним означающим (знаком), закреплённым в культурной и языковой системе.

Один из наиболее часто приводимых примеров: в слове «дерево» означающим является звуковая последовательность или письменная форма слова, а означаемым будет представление о конкретном растении, его признаках и свойствах. Для русскоязычного монолингва (носителя одного родного языка в системе одной этнолингвокультуры) — дерево будет представлено растущим многолетним растением, состоящим

из корней, ствола, ветвей и кроны. Далее, в зависимости от образовательного уровня могут добавиться — древо жизни, древо рода, мировое древо. И далее — материал для изготовления мебели, домов (по сути, не «дерево», а «древесина», но в речи нередко различия не происходит, «купил дерево на стройку, на отделку») ... Если же человек не является носителем русского языка как родного — этих означаемых в его представлении не будет или их соотношение будет иным. Так для носителя русского и немецкого языка как родных «дерево» не будет в равной мере означаемым для живого дерева (der Baum), так и для дерева как материала (das Holz) в связи с различными лексемами, обозначающими данные понятия.

Рис. 1

Классическая модель соотношения означаемого и означающего

Возьмем еще один пример — со словом «стакан» для русско-немецкого естественного билингвизма. В зависимости от возраста и социального происхождения естественного билингва, представляемый им «стакан» будет выглядеть по-разному (в русском языке возможно как граненный или нет, стеклянный, бумажный или хрустальный, в подстаканнике или нет; в немецком только стеклянный в связи с особенностью обозначающего — das Glas = «стекло») (рис. 2).

Билингв — личность в двух культурах. Поэтому означаемое для него — не просто объект, а объект в контексте одной из культур (объективизация реальности, практичность). И к одному объекту в разных культурах — существуют

и необходимы разные понятия и разные акустические образы (рис. 3).

Рис. 2

Означающее и означающие для естественного русско-немецкого билингва при переключении кодов через объект (предмет как обозначающее)

Еще один пример: естественный билингв использует в речи на одном языке осознанно (зная их словарный перевод) слова на другом языке — так как видит несоответствие понятий, обозначаемых этими словами, с точки зрения контекстов их употребления (булочная в России и die Bäckerei в Германии — внешне и внутренне различные явления, хотя в словарях эти слова являются прямыми переводами друг друга). То есть для билингва решающим является именно внешний контекст — маркирующий необходимость переключения кодов языковых и поведенческих, а не языковое единство в процессе всей коммуникации. Переключение кодов в общении стало нормой — как инструмент адаптации говорящего к слушающему, а следовательно успешности переговоров. Естественный билингв при этом подстраивается под контексты собеседников-слушателей не только в языковом плане, но и в невербалике, одежде, поведении, меняя

не «маску», а сущность (одну из живущих в нем этнолингвокультурных моделей на другую, также существующую в его внутреннем Я). И он не предаёт себя или свою коренную культуру — он самореализуется в каждой из своих субкультур с учетом активирующего их внешнего контекста ситуации.

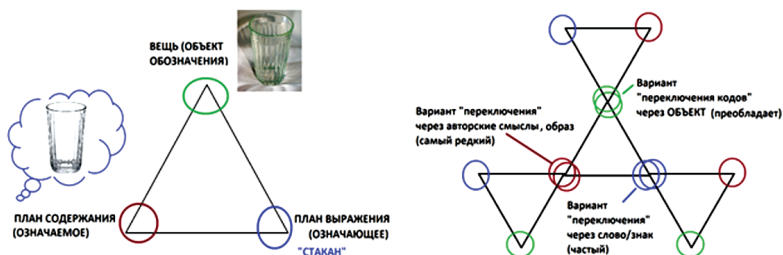

Рис. 3

Треугольник Фреге и инварианты его реализации для естественных билингвов (варианты переключения кодов в коммуникации через объект — визуальную данность в ситуации культуры, слово — вербальную данность в ситуации культуры, через представляемый образ — ментальную данность в ситуации субъекта внутри конкретной культуры).

В билингвальном мышлении означаемое остаётся стабильным, но количество означающих удваивается. При этом доступ к каждому из них осуществляется в зависимости от ситуации, контекста и культурной роли субъекта (рис. 4).

Что важно понимать в отношении естественных билингвов? Что этнолингвокультурный баланс у естественных билингвов определяется внешней средой и потому крайне нестабилен, удержание его требует усилий как со стороны государства (создание политических и экономических условий, способствующих позитивному отношению к статусному языку и культуре у коренных наций), так и со стороны системы образования (системная трансляция этнолингвокультурных норм в применении их к практике жизни, без искажений)

и воспитания (семья и ближайший социум, говорящий на языке и реализующий практику культуры в отношении ребенка и подростка билингва).

РКР	Я владею русским языком.	MЛ1 	непроизвольность, бессознательное освоение	Русский язык как единственная реальность	единственность РЯ	Я
РКДР	Я могу (умею) говорить на двух языках.	MЛ2 	непроизвольность, бессознательное освоение (один центр мозга отвечает за 2 языка)	Оба языка как неосознанная насущная потребность	как единство в двойственности и («двуликий Янус») 	образование новой формы на пересечении 2х существующих языков
РКН	Я обязан знать русский язык.	MЛ2 	произвольно-непроизвольное, бессознательно-осознанное усвоение (зависит от языка окружений, ближайшего и отдаленного)	Русский язык как осознанная потребность	двойственность	Я я (при родственности культур) или Я Я (при отдаленности культур); статусный язык – в сильной позиции
РКИ	Мне нужно или я хочу учить русский язык.	MЛ1 (+1 на уровне С1-С2) 	произвольное, осознанное изучение	Русский язык как осознанная необходимость	дополнительно сть	Я Я (культуры даже близкородственные находятся под влиянием языка общества, нерусского)

Рис. 4

Русский как родной, как один из родных (сбалансированный естественный билингвизм), как неродной и как иностранный — модели восприятия и реализации языка у моно- и билингвов. РКДР — восприятие естественного сбалансированного билингва. При негативных социально-экономических и (или) социально-политических условиях РКДР (русский как другой родной) может стать РКН (русский воспринимается как неродной) или даже РКИ (русский как иностранный — до полной фоссилизации родительского языка у последующих поколений).

Язык обычно рассматривается как устойчивый показатель этноса. Этнос подвержен более быстрым изменениям, нежели структура языка. Однако, и язык — живой организм, отражающий (во временной лупе) культурные, социальные и иные преобразования. Взаимоотношения языка и культуры по В. Гумбольту [4]: «Язык — это хранилище народного духа, объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках... Ни одно понятие не живет вне языка, определение человеком предмета одновременно определяет самого человека». Более поздняя

гипотеза Э.Сепира и Б. Уорфа [18] заключается в том, что язык формирует мировоззрение носителя, менталитет, национальный характер, идеологию. Но это возможно, только если носитель языка одновременно является носителем культуры, — и языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры и тем самым служат орудием представления основных установок культуры (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Воробьев) [2,3]. Если язык является или становится ино-странным (иным и странным), он теряет привязку к культуре, свою сущность, становясь пустой оболочкой вне внутренних смыслов для говорящего на нем человека. И тогда вместо адаптации к контекстам ситуации и собеседника, говорящий уподобляется машине, переводящей слова по словарным значениям с одного языка на другой — и диалог не состоится. Так как без взаимной культурной подстройки собеседников (так называемой «химии» коммуникации) диалог не существует.

2. Различие благоприобретенного (иностраннй язык с 8 лет и позднее) и естественного (до 5 лет) билингвизма

В контексте овладения языком вне среды непосредственного культурного и коммуникативного погружения с носителями соответствующего языка уместно использовать дихотомию «первый — второй язык», а также категории «родной — иностранный язык». Язык, усвоенный не в ходе ранней иммерсии, а в школьном возрасте или позднее, как правило, сохраняет статус экзогенного и функционально вторичного. В отличие от такого случая, при естественном билингвизме вопрос о том, какой из языков является первым, а какой вторым, решается индивидуально и ситуативно. При этом доминирование одного из языков может изменяться в разные периоды жизни и в зависимости от коммуникативной сферы.

У естественного билингва в процессе речевого взаимодействия происходит полное и одновременное переключение как языкового кода, так и соответствующего культурного фрейма. Смена языка обращения или коммуникативной ситуации функционирует как триггер не только для лингвистического, но и для экстралингвистического переключения — особенно отчетливо данный механизм проявляется в условиях дистантных (неблизкородственных) языков и культур. В случае же изучения языка как иностранного подобное комплексное переключение, как правило, невозможно: индивид склонен к интерпретации сообщения через призму своей исходной культуры и осуществляет перевод — как сознательный, так и автоматизированный — с родного языка или на него. Даже при высоком уровне языковой компетенции, описываемом терминами *nearnativeness* или *nativelikeness*, когнитивная обработка сообщений продолжает опираться на исходный (родной) культурно-языковой код.

Таким образом, в коммуникации на иностранном языке не-билингв по сути прибегает к смене коммуникативной маски, временно адаптируясь под иноязычный контекст, тогда как естественный билингв сохраняет целостность своей личности, проявляясь через две равноценных этнолингвокультурных идентичности. Картина мира, формируемая билингвом, отличается более высокой степенью когнитивной многомерности и интерпретационной гибкости, так как в ней сосуществуют и взаимно обогащают друг друга различные культурные репрезентации одного и того же явления. Именно поэтому недопустимо называть какой-либо из языков или культур, составляющих билингвальное сознание, «чужими» — даже в педагогических или политических целях. Подобная установка разрушает внутреннюю целостность билингвального миропонимания. В то же время в отношении вторично усвоенного (благоприобретенного) билингвизма, при котором индивид остается в пределах исходной

культуры, осваивая язык и культуру «других», такое разграничение может быть оправданным.

Естественный билингвизм следует рассматривать не только как коммуникативную способность, но как способ мышления, форму мировосприятия и базу для самоидентификации. Это не «речевая игра» и не временная ролевая адаптация, а форма целостного существования в условиях культурной множественности. Язык в таком контексте выступает не как цель, а как инструмент выражения поликультурного Я.

Портрет естественного билингва можно сравнить с лепестками цветка: есть зоны пересечений между этнолингвокультурами (общие значения, когнитивные универсалии), но есть и лепестки — уникальные, непрозрачные для другого кода значения. Это делает билингвизм не просто средством коммуникации, но метакультурным состоянием, в котором возможна множественность интерпретаций (рис. 5).

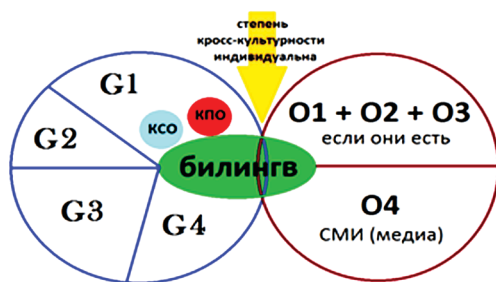

Рис. 5

Среды самореализации естественного билингва.

Особенности идентичностей естественного билингва [8, 9]:

- «плавающая» идентичность — возможность выбора собственной идентичности и смена идентичности в течение жизни;
- «перекрестная идентичность»: в России я — американец, в Америке — русский;
- «никакая идентичность» — отречение от обеих культур: «я и не англичанин и не русский»;

- «третья» идентичность (кажется билингу нейтральной): «я — англичанин из Голландии»

При этом возможно несовпадение языковой, национальной, культурной и этнической идентичности:

- языковая идентичность не определяется этнической идентичностью;
- языковая идентичность не определяет культурную идентичность и наоборот;
- нет равенства между понятиями «материнский язык» и «родной язык» — для билинга это разные понятия;
- возможно несовпадение первого освоенного языка, родного языка и материнского языка;
- сколько языков, столько же картин мира и культурных кодов, ценности которых могут быть противоположными.

Уже А. А. Леонтьев [12] писал: «Родной язык — это не всегда язык национальности, к которой принадлежит человек. Это — тот язык, который выбирает он сам. Выбор только за ним. ...Это — главное из языковых прав человека». Этот выбор у билингов меняется в течение жизни в зависимости от ситуации, и степень владения языком не обязательно определяет выбор собственной идентичности.

Это порождает психологические проблемы билинга, такие как конфликт идентичностей:

- Конфликты идентичностей связаны с осознанием ценностей, часто противоположных, принятых в различных культурах, обществах, традициях, странах.
- Может формироваться негативное отношение билинга к одной из составляющих своего «Я» или к каждой — попеременно.
- Находя в себе черты того и другого, признавая и принимая обе противоположные ценности, билингв часто приходит к отрицанию себя самого, как носителя противоречия.

И выход именно в «разрешении» билингвальной личности на автономизацию от каждой из культур для свободного выбора между культурами в условиях неопределенности.

В каждой коммуникации с учетом контекста заново решать — не только по выбору языка коммуникации, но и по самопрезентации как носителя той или иной культуры, или отказу от демонстрации своей культурной принадлежности для оптимального диалога. Но это не означает размытость приоритетов личности — Я-компетенция должна и может удерживать естественного билингва в рамках эффективных и экологических социальных связей. Именно Я-компетенция (самоидентификация, самоосознание, самостоятельные выборы и ответственность за них) в мире глобальных миграций и неопределенности становится ядром личности — и на совокупности таких осознающих себя, рефлексизирующих социальное через личное субъектов — складываются новые культуры (Платон, понимание народа) [13].

3. Культурное ядро как мобильная структура и Я-компетенция как стабилизирующая основа личности

Культурное ядро — это совокупность наиболее устойчивых, фундаментальных элементов культуры, которые определяют ее специфику и идентичность. Это система социально признанных ценностей, норм, верований и представлений, которая передается из поколения в поколение и определяет социальное поведение людей, их восприятие мира и взаимодействие друг с другом. Однако часто противоречит личным приоритетам автономных субъектов внутри социума и становится для наиболее проактивных из них культурным триггером, приводящим к миграции лучших (придающих позитивную динамику развития социуму).

Культурное ядро характеризуется:

- устойчивостью и стабильностью в отличие от более поверхностных и изменчивых аспектов культуры;
- фундаментальностью — оно формирует основу, на которой строится вся остальная культура, определяя ее основные принципы и направления развития;

- идентификационной составляющей — культурное ядро помогает определить, что делает данную культуру уникальной и отличной от других.

Элементы, составляющие культурное ядро (религиозные верования, моральные принципы, представления о семье, труде, свободе и справедливости, принятые некогда социумом под давлением определенных обстоятельств и с тех пор поддерживаемые институтами власти), передаются из поколения в поколение от родителей к детям, через образование, социализацию и другие каналы. Они влияют на поведение, мышление и мировоззрение людей, формируя их социальные установки и ценности. Но также они приводят к стагнации, страху нового, одностороннему рассмотрению ситуаций и — как итогу — уходу в жесткие поляризованные рамки догм вместо живого диалога.

Хотя ядро культуры относительно стабильно, оно может претерпевать изменения под влиянием различных факторов, таких как локальные и глобальные социально-экономические и политические изменения. И если раньше стабильное культурное ядро ассоциировалось с принадлежностью к одному этносу, языку и территории, то сегодня для мигрантов-би- и полилингвов во втором и далее поколениях оно складывается из ряда подвижных, но взаимосвязанных элементов [11]. То есть позиция, представленная, например, К.М. Кантором (в работе «Философия культуры и искусств», 1994) о том, что культурное ядро представляет собой глубинную, онтологическую основу социальной жизни, которая не уничтожается ни войнами, ни революциями и исчезает только вместе с самим этносом [16], — может быть опровергнута в т.ч. рядом исторических примеров, подтверждающих смену культурного ядра при глобальных миграционных процессах (как в принимающих, так и в прибывающих нациях). Яркими примерами являются Древний Египет и Древняя Греция, нации которых не вымерли, но изменили свой культурный код в результате

катаклизмов, приведших к переселению «народов моря». Или пример Германия, изменение культурного ядра коренной нации которой происходило пошагово с 1945 по 2000е годы через формирование межпоколенческого чувства ответственности и вины за предков (нацизм и фашизм) — носителей прежнего культурного кода. Наиболее яркое свидетельство смены культурного кода сегодня — отсутствие реакции носителей германской национальной картины мира на замену ключевого для ее культурного ядра понятия «Рождественская ярмарка»¹ на «зимняя ярмарка» в 2020-х годах во избежание «травмирования» национального самоощущения нехристианских наций в ФРГ). Конечно, здесь можно поставить вопрос: можно ли считать той же нацией нацию, в которой произошла смена культурного ядра, или это уже иная, новая нация. Данную проблематику еще предстоит исследовать глубже. Как и то, насколько внешнее давление может влиять на смену культурной самоидентификации, и как с ней связаны языковые процессы (например, интерлингвокультурные заимствования — так как явно, что они расширяют картину мира носителя одного языка как родного по ее контуру). Также немаловажный вопрос — способна ли нация с разрушенным культурным ядром быть эффективной и проактивной в экономической стабилизации и росте благосостояния

¹ Традиция рождественских ярмарок зародилась в Средние века именно в Германии и стала одной из наиболее узнаваемых форм культурной самопрезентации немцев. Эти ярмарки соединяют религиозные, ремесленные и гастрономические аспекты, отражая архетип немецкого празднования — общинность, ремесленничество, порядок и уют (*Gemütlichkeit*). Они включают устойчивые культурные элементы — щелкунчиков, свечи, адвент-венки, сладости и горячий глинтвейн — которые передаются неизменно на протяжении столетий. Подробнее: Иванова-Бучатская Ю.В. Немецкое рождество: традиционные компоненты, предметы и символы в коллекциях и архивных материалах МАЭ. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-02-038267-1/978-5-02-038267-1_01.pdf (дата обращения 21.10.2025).

своего государства (тут же вопрос локальной или глобальной ответственности нации).

Оптимальное для глобальных сообществ развитие ситуации с культурным ядром мы лучше всего можем наблюдать на примере естественных сбалансированных билингвов. У них, несмотря на их отнесенности примерно в равной степени, к нескольким часто отдаленным культурам, культурное ядро не разрушено, а реструктурировано. Оно становится сетевой моделью с узлами-переключателями (переключение кодов) между культурами. Именно способность к «переключаемости», диалогости с учетом текущего контекста — ключевая для эффективности современного человека в условиях культурной неоднозначности.

4. Двуликость как модель культурной адаптации

При речи о естественных билингвах и их взаимоотношениях с реальностью мы вспоминаем образ двуликого Януса — божества, смотрящего одновременно в прошлое и будущее, на Восток и на Запад, в начало и в конец. Он становится актуальным символом билингвального субъекта. В отличие от негативного коннотата «двуличности», двуликость здесь понимается как когнитивная и культурная способность к множественному видению, к одновременному удержанию разных смыслов. Как? Через переключение точек зрения: ведь то, что при взгляде с одной стороны, является концом, при подходе с другой стороны оказывается началом. И будущий день (завтра) для жителей США становится «сегодня» для жителей ФРГ и «вчера» для жителей Японии. Мы, конечно, утрируем, но в глобальном мире все выглядит именно так. И только опираясь на этнолингвокультурное самопозиционирование личности в текущей реальности, можно находить оптимальные для нее и экологичные для мира вокруг ментальные решения. Это — компетенция переключаемости

восприятия и своих ролевых парадигм в субъектности естественного билингва. И это то, что подлежит сегодня внимательному и доскональному изучению.

Двуликость билингва — не маска, не обман, а способ навигации в сложной реальности, в которой однозначность черно-белых цветов вне оттеночности более невозможна или даже вредна (ср. полезависимость монолингва и полenezависимость би- и полилингва, особенно естественного, а не благоприобретенного билингвизма). Это — инструмент принятия различий и устойчивости в условиях нестабильности. Та самая база антихрупкость по концепции Нассима Николаса Талеба [15], описывающей свойство систем, организаций или людей не просто выдерживать негативное воздействие, а становиться лучше, сильнее и эффективнее в результате таких воздействий. В отличие от хрупких систем, которые ломаются под давлением, и устойчивых, которые остаются неизменными, антихрупкие системы извлекают выгоду из хаоса и неопределенности.

5. Старшее поколение как хранитель культурного ядра

Как мы уже писали выше, в условиях стирания границ (языковых, территориальных, социальных) задача охраны культурной идентичности переходит к индивидуальному и межпоколенческому уровню. Если раньше культура защищалась через границы (национальные, политические, образовательные), то теперь они либо размыты (в условиях миграции), либо становятся объектом ужесточения (в условиях культурной ретравматизации). Однако стратегия закрытия границ — временное и опасное решение. Культура, запертая в себе, теряет диалогичность и жизнеспособность. Она начинает воспроизводить себя по инерции, подменяя живое традицией, а традицию — ритуалом без смысла.

Представим себе культурный профиль естественного билингва. В нем есть узлы пересечения (выбора с учетом текущего

контекста) для его самопрезентации в семье, ближайшем и дальнейшем социуме, личном и профессиональном контексте. Причем, для него не стоит вопрос о поколенческой или гендерной принадлежности.

Рис. 6

Культурный профиль человека

А теперь посмотрим на этот профиль не как профиль билингва, а как профиль небилингвального человека (рис. 6) в ситуации вынужденной миграции, по экономическим факторам или факторам жизнесбережения (вынужденного погружения в иные социальные, этнолитнговкультурные, профессиональные и пр. контексты и связанные с ними внутренние изменения). Когда этот человек рос (движение от центра иллюстрации), в нем происходил процесс осознания себя в различные периоды своего становления (ребенок сначала воспринимает себя как ребенок своих родителей, потом как мальчик или девочка, потом как представитель некоего этноса и только затем как носитель социальных маркеров — чаще родительских). Если и этот процесс проходил в период нестабильности, транслировавшейся взрослыми на ребенка — можно предположить, что ребенок, вырастая, будет дестабилизирован в своих основах (негативизировать и обвинять старшее поколение в своей неэффективности, играть с гендером и с иными вариантами нормы — искать у себя психические отклонения и гордиться слабостью для ухода от

ответственности, отрицать и стыдиться за свою этническую принадлежность, быть легко социально манипулируемым).

Рассмотрим тогда обратный вектор движения, снаружи в центр — как процесс разрушения культурной (само)идентификации личности в эпоху глобальной неопределенности (при снижении социального статуса). Если человек до этого уже был не стабилен, то под давлением экономических факторов (одно из проявлений социального давления), он практически саморазрушается как личность. И нередко направляет свою фрустрацию как агрессию вовне — отсюда рост преступности среди лиц с миграцией в личной и семейной истории, например, в странах ЕС [5].

Поэтому сегодня ответственность за пересборку формата культурного ядра в антихрупкую модель наподобие таковой у естественных билингов (переключение кодов в ситуации по выбору личности для самосбережения и экологии диалоговой коммуникации) несёт не столько государство и централизованная система образования, но, прежде всего, старшее поколение, передающее свои опыты в формате живых кейсов, в первую очередь, через осознанную практику языка. И здесь важно сохранение и углубление языковых норм и традиций, а не их упрощение в угоду низкообразованной части населения (кофе среднего рода, рост количества «словарных слов» и др.). Переход к «глобишу» — глобальному упрощенному грамматически русскому, немецкому английскому — как минимизированному формату языковых и речевых норм, приведет к деградации мышления [17], повышению подверженности нации внешней манипуляции, росту хрупкости культурных концептов из-за их сложности для новых поколений — носителей «глобиша», не владеющих системой живых причинно-следственных связей, отраженных в утраченных языковых моделях. Важно не давить со стороны старшего поколения и внешнего социума на личность, а помогать личности самораскрыться и самоопределиться в защищенном ближайшим и внешним социумом пространстве.

Кстати, интересно, что уход от единственности и жесткости культурного ядра можно наблюдать и в работе сегодня с архетипами (как составляющими культурного ядра нации) (Рис. 7, 8).

Рис. 7

Работа с архетипами в билингвальной картине мира как вариант преодоления детско-родительских травм в практике психологов, психотерапевтов в т.ч. с небилингвальными клиентами.

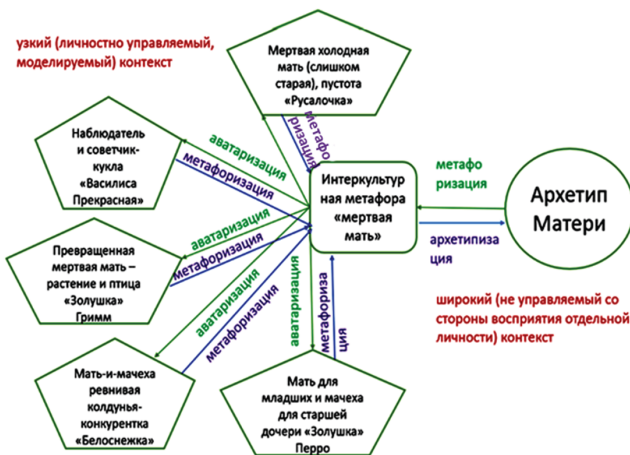

Рис. 8

Конкретизация аватар матери в различных культурных контекстах реципиентов как путь управления детско-родительской травмой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Билингвизм в условиях культурной неопределённости не является источником кризиса, а напротив — ресурсом культурной устойчивости. Он предлагает новую модель антихрупкости культуры как системы с множественными фокусами, динамическим ядром и способностью к переключению между смыслами без утраты целостности.

Новая норма — это способность к диалогичности, принятию различий, уважению к множественности интерпретаций при соблюдении экологии выбора. Культурное ядро сохраняется не через изоляцию, а через включение, не через отказ от инаковости, а через её интеграцию. Именно билингвальный субъект, осознанно живущий в системе двуликости, в своей Я-компетенции становится носителем и хранителем будущей культуры — открытой, рефлексивной и живой.

Список литературы | References

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
Bart R. Selected works: Semiotics: Poetics. Moscow: Progress, 1989. 616 p. (In Russ.)
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Russian Language, 1990. 246 p. (In Russ.)
3. Воробьёв В. В. Культурологическая парадигма русского языка: теория описания языка и культуры во взаимодействии. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1994. 76 с.
Vorobyov V. V. The cultural paradigm of the Russian language: the theory of describing language and culture in interaction. Moscow: A. S. Pushkin Institute of Russian Language, 1994. 76 p. (In Russ.)
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
Humboldt W. Selected Works on Linguistics. Moscow: Progress, 2000. 400 p. (In Russ.)

5. Евростат / Eurostat. (In Russ.)
URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (access: 17.07.2025).
6. Кудрявцева Е.Л., Мартинкова А.А., Бубекова Л.Б., Салимова Д.А. Комплексные диагностические тесты для билингвов 3–14 лет. Практические рекомендации для проведения тестирования детей и подростков. Говорение. Письмо. Чтение. Понимание на слух. Berlin: Elena Plaksina Verlag, 2015. 188 с.
Kudryavtseva E.L., Martinkova A.A., Bubekova L.B., Salimova D.A. Comprehensive diagnostic tests for bilinguals aged 3-14 years. Practical recommendations for testing children and adolescents. Speaking. Writing. Reading. Listening comprehension. Berlin: Elena Plaksina Verlag, 2015. 188 p. (In Russ.)
7. Кудрявцева Е.Л. Естественный билингвизм и социум (этнокультурные особенности естественных билингвов и их взаимоотношение с окружающим монолингвальным миром) // Вопросы языка в современных исследованиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIII Кирилло-Мефодиевские чтения», 15 мая 2012 г. М.; Ярославль: Ремдер, 2012. С. 125–131.
Kudryavtseva E.L. Natural bilingualism and society (ethnocultural characteristics of natural bilinguals and their relationship with the surrounding monolingual world) // Language issues in modern research: Proc. of the International scientific and practical conference «Slavic culture: origins, traditions, interaction. XIII Cyril and Methodius readings», May 15, 2012. Moscow; Yaroslavl: Remder, 2012. P. 125–131. (In Russ.)
8. Кудрявцева Е.Л., Попова М.В. Социально-педагогические и психологические аспекты билингвизма // III международные научно-методические чтения «Русский язык как неродной: новое в теории и методике», 18 мая 2012 г. М.: Московский гуманитарный педагогический институт, 2012. С. 63–75.
Kudryavtseva E.L., Popova M.V. Social, pedagogical and psychological aspects of bilingualism // III international scientific and methodological readings “Russian as a non-native language: new in theory and methodology”, May 18, 2012. Moscow: Moscow Humanitarian Pedagogical Institute, 2012. P. 63–75. (In Russ.)
9. Кудрявцева Е.Л., Попова М.В. Русский как один из языков двуязычного ребенка: Методологические и методические аспекты // Филология и культура. Philology and Culture. 2012. № 2 (28). С. 99–102.

- Kudryavtseva E.L., Popova M.V. Russian as one of the languages of a bilingual child: Methodological and methodological aspects // *Philology and Culture*. 2012. No. 2(28). P. 99–102. (In Russ.)
10. Кудрявцева Е.Л., Чибисова М.Ю., Мартинкова А.А., Кулькова Р.А. В лабиринтах многоязычия, или Образование успешного ребенка. М.: Линка-Пресс, 2018. 240 с.
Kudryavtseva E.L., Chibisova M.Yu., Martinkova A.A., Kulkova R.A. In the Labyrinths of Multilingualism, or Education of a Successful Child. Moscow: Linka-Press, 2018. 240 p. (In Russ.)
 11. Курцева З.И. Культурное ядро: трансформация в сфере современной коммуникации // *Преподаватель XXI век*. 2015. № 1. С. 171–178.
Kurtseva Z.I. Cultural core: transformation in the sphere of modern communication // *Teacher of the XXI century*. 2015. No. 1. P. 171–178. (In Russ.)
 12. Леонтьев А.А. Родной язык, иноязычие, межкультурная коммуникация. М.: Смысл, 1996. 254 с.
Leontiev A.A. Native language, foreign languages, intercultural communication. Moscow: Smysl, 1996. 254 p. (In Russ.)
 13. Платон. Государство / пер. с древнегреч. В. С. Соловьёва. СПб.: Азбука-Классика, 2012. 478 с.
Plato. Republic. St. Petersburg: Azbuka-Classic, 2012. 478 p. (In Russ.)
 14. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. с фр. А. М. Сухотин; под ред. Р. О. Шор. М.: Юрайт, 2019. 303 с.
Saussure F. Course in General Linguistics. Moscow: Yurait, 2019. 303 p. (In Russ.)
 15. Талеб Н. Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса / пер. с англ. Н. Караев. М.: КоЛибри, 2024. 768 с.
Taleb N.N. Antifragility: how to benefit from chaos. Moscow: KoLibri, 2024. 768 p.
 16. Шепелева В.Б. Истоки «советского проекта» в контексте постнеклассической познавательной парадигмы // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2016. №1 (14). С. 36–42.
Shepeleva V.B. The origins of the “Soviet project” in the context of the post-non-classical cognitive paradigm // *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. 2016. No. 1 (14). P. 36–42. (In Russ.)
 17. Orwell G. Nineteen Eighty-Four. London: Secker & Warburg, 1949. 328 p.
 18. Whorf B.L. Language, Thought, and Reality. Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1956. P. 125–133.